

нальной советской литературы», «История советского драматического театра», «История философии в СССР» ein.

Zu Zeit ist das Marische Forschungsinstitut das koordinierende Zentrum der wissenschaftlichen Forschungsarbeit in der Republik. Das Institut besitzt enge Beziehungen zu Zentren der Akademie der Wissenschaften der UdSSR. Weiterhin werden Veröffentlichungen mit ausländischen Wissenschaftszentren ausgetauscht. Gegenwärtig führt man keine wissenschaftliche Veranstaltung, die die Sprache, Literatur, Geschichte, Archäologie, Ethnographie, Folklore und Kunst der finnisch-ugrischen Völker betreffen, ohne Teilnahme von Mitarbeitern des Marischen Wissenschaftlichen Forschungsinstituts durch, ungeachtet dessen, ob es sich um ein regionales, Allunions- oder internationales Unternehmen handelt.

All das bestätigt, daß die marische Wissenschaft erfolgreich über die Grenzen der eigenen Republik geschritten ist, und daß das Marische Wissenschaftliche Forschungsinstitut einen festen Platz im wissenschaftlichen Leben des ganzen Landes eingenommen hat.

<https://doi.org/10.3176/lu.1980.3.11>

О. Б. Ткаченко, Сопоставительно-историческая фразеология славянских и финно-угорских языков, Киев, Наукова думка, 1979. 297 с. (Академия наук Украинской ССР. Институт языковедения им. А. А. Потебни).

Советское языкознание обогатилось еще одним ценным историко-этимологическим исследованием в области фразеологии. Книга О. Б. Ткаченко представляет большой интерес для финно-угристов и славистов. Научный аппарат ее включает более 400 источников, привлечены факты из 80 славянских, финно-угорских и некоторых других языков. Работа состоит из введения (с. 3—22), четырех разделов основной части (с. 22—269) и кратких выводов (с. 269—272).

Во введении мотивируется тема монографии. Материалом исследования избраны т. н. языковые (речевые) формулы (архаичные обороты) — зачины сказок, которые автор квалифицирует, как устойчивые обороты типа предложения, своеобразные штампы, клише (с. 10).

Метод исследования — сопоставительно-исторический, обнаруживающий типологические черты, которые одновременно (синхронно) сближают и различают славянские языки между собой или с неславянскими языками в одном ареале в условиях давних контактов между ними. В целом заслуживают внимания и одобрения основные принципы сопоставительно-исторического исследования речевых формул, разработанные автором (с. 12—13). Научным объектом, по его мнению, может быть и малая языковая вели-

чина, микрообъект, выступающий частью определенной языковой (речевой) системы. Такие малые величины (в первую очередь формулы субстратного происхождения) должны изучать микролингвистика. Используя факты, в том числе и экстралингвистические, издавна контактирующих родственных и неродственных языков одного региона микролингвистика анализирует микрообъект с точки зрения семантики в тесной связи с грамматикой. Логически обоснованы автором и шесть этапов исследования фразеологизмов с помощью сопоставительно-исторического метода. В частности, рассматривая определенный фразеологизм, необходимо установить, является ли он исконно-славянским или заимствованным. Если фразеологизм не обще-, а единичнославянского происхождения, надо искать его типологические дублеты в древних ареально близких неславянских языках по принципу общности внутренней формы. Доказав, что такой фразеологизм имеется в контактирующем неславянском языке, необходимо выявить его существование во всех языках этой неславянской семьи. Функционально-семантическое, грамматическое сходство славянского фразеологизма с неславянским свидетельствует о том, что он не праславянского, а субстратного происхождения. Далее, строго

придерживаясь хронологии, привлекая лингвистические данные, следует определить, к какому именно субстрату принадлежит фразеологизм и каков ареал его распространения.

Цель монографии — рассмотреть проблемы субстратных фразеологизмов, возникших путем семантических заимствований. Автор сознает трудность задачи. Поскольку в Евразии почти нет территории, где бы на протяжении веков не менялся язык населения, реконструкция исходной формы фразеологизма определенного языка данного региона очень сложна.

Микрообъектом исследования О. Б. Ткаченко избрал зачин русских сказок *жил(и)-был(и)*.

В первой главе (с. 22—175) анализируются русские сказочные зачины в родственных и ареальных связях. Сначала автор делает небольшой экскурс в историю вопроса. Он констатирует, что начиная с половины XIX в., а именно с работ Ф. И. Буслаева, и почти до наших дней сказочный зачин *жил(и)-был(и)* в языкознании квалифицировался как форма плюсквамперфекта (< *жилъ былъ есмь*) (И. Ф. Буслаев, Опыт исторической грамматики русского языка. Учебное пособие для преподавателей II. Синтаксис, Москва 1858, с. 148—149). А. П. Евгеньева пришла к выводу, что *жил(и)-был(и)* — лишь омоним форм плюсквамперфекта в синонимическом ряду русских речевых формул типа *глядели — смотрели, опочевали — спали* и т. д. (А. П. Евгеньева, Сочетание «жили-были» в сказочном зачине. — Памяти акад. Л. В. Щербы (1880—1940). Сборник статей, Ленинград 1951, с. 174). О. Б. Ткаченко считает, что такая точка зрения малоубедительна, ибо А. П. Евгеньева ссылается только на факты русского языка.

Далее автор анализирует *жили-были* сначала в русском языке, а потом во всех других славянских языках и ареальных связях. Зачин типа *жили-были* неизвестен западно- и южнославянским языкам, а sporадическое употребление его в украинском и белорусском, очевидно, объясняется влиянием русского языка (с. 40). В русском языке этот зачин имеет не праславянское и не общевосточнославянское плюсквамперфектное

происхождение, а представляет собой типичное копулятивное (парное) слово русского фольклора (с. 42), образовавшееся в центре русской языковой территории еще до XV в. (с. 51). Древние ареальные контакты свидетельствуют о возможной связи *жил-был* с неславянскими языками (с. 53), а конкретнее — это семантическая калька с какого-то ареально близкого великорусскому (проторусскому) неславянского языка. Таким источником, очевидно, является финно-угорская семья языков, в далеком прошлом находившаяся в одном ареале с великорусским языком, в которой копулятивы довольно распространены.

Анализируя во второй главе речевые формулы всех славянских языков (с. 175—215), О. Б. Ткаченко отмечает, что копулятивы более характерны для тех западно- и южнославянских языков, которые исторически находились в более тесных контактах с неиндоевропейскими языками. К ним он относит болгарский, македонский (тюркское влияние), словацкий (венгерское влияние) (с. 186). В украинском и белорусском языках копулятивные слова — результат заимствований, а точнее — семантические кальки из языков финно-угорских, тюркских племен еще во времена их миграции, но больше всего таких заимствований в украинском и белорусском языках из русского фольклора XVIII—XIX вв. (с. 198); ср. рус. *горе-печаль*, укр. *щастя-доля*, белорус. *оцец-маці* и т. д. Тот факт, что копулятивов из славянских языков больше всего в русском языке, О. Б. Ткаченко объясняет наиболее значительным количественно-временным влиянием финно-угорского субстрата (с. 211). Исторически это влияние он связывает с постепенным переходом на восточнославянский язык большого числа носителей финно-угорского языка в условиях массового двуязычия (с. 211) через семантическое калькирование и особенно калькирование моделей копулятивов. Это особенный субстрат, ибо он был результатом наиболее полного слияния языков, результатом глубоких древних контактов.

В третьей главе (с. 215—247) О. Б. Ткаченко приближает читателя к вероятному прототипу русского копулятива *жили-были*. По его мнению, такой моделью является общепинно-угорский

копулятив *elä-wolę, который или рефлекс которого еще и в наши дни сохраняется во всех финно-угорских языках. Хотя рус. *жил-был* уже давно воспринимается не как заимствование, а как «свой» зачин, наиболее логично говорить именно о его субстратном финно-угорском происхождении (с. 215), а именно — из мерянского языка-диалекта. Славизация мерян, по мнению автора, началась еще в IX в. н. э., что содействовало проникновению элементов мерянского языка в славянорусский (с. 240—241).

В последней, четвертой главе (с. 247—269) автор монографии продолжает поиски первоисточника русского зачина *жил-был* на самом широком пространственном и временном фоне, в евразийских связях. Предполагая, что копулятив *elä-wolę существовал еще в прафинно-угорских диалектах, он находит его семантическую близость в уральском и северокавказском языковых ареалах ('жить' в обоих ареалах означало 'быть активным, двигаться, бодрствовать', а 'быть' — 'покой'), которые в далеком прошлом находились в тесном контакте между собой. Этот контакт заключался в том, что (допускает О. Б. Ткаченко) в Западном Приуралье могло проживать одно из иберо-кавказских племен, в языке которого существовала эта модель: финно-угры определенное время, очевидно, находились на этой же территории вместе с кавказским племенем и заимствовали у него данный зачин. Иберо-кавказское племя со временем переселилось на Кавказ, а в языке финно-угров сохранился их субстрат *elä-wolę (с. 203).

Логическим заключением монографии является довольно смелый вывод — гипотеза о том, что в прафинно-угорском языке диалектный зачин *elä-wolę является семантической калькой из иберо-кавказского языка, а в русском языке «представляет собой семантическое заимствование из мерянского субстратного финно-угорского языка» (с. 266).

Безусловно, О. Б. Ткаченко затронул очень важную проблему фразеологии, оригинально и своеобразно осветил ее с точки зрения методики и содержания. Можно сказать, что это одна из первых значительных научных работ по исследо-

ванию ареальных устойчивых выражений сопоставительно-историческим методом.

В целом высоко оценивая рецензируемую монографию О. Б. Ткаченко, присоединяясь к его основным теоретическим положениям, довольно убедительным гипотезам — выводам о происхождении зачина *жили-были* в русском языке, выскажем и некоторые свои пожелания.

По мнению рецензентов, название работы не совсем соответствует ее содержанию, поскольку в ней анализируется не фразеологическая система славянских и финно-угорских языков, а лишь ее отдельный микрообъект, который не обобщает характер всей фразеологической системы исследуемых языков.

Устойчивые выражения сказок имеют свои семантико-структурные особенности в каждом языке, в каждой семье языков, с одной стороны, и много общего, с другой. Поэтому, как нам кажется, в монографии целесообразно анализировать не один микрообъект, а хотя бы основные типы устойчивых выражений сказки (зачин, середина, конец и т. д.) с привлечением подобных семантических калек из сопоставляемых языков.

Очевидно, лишь на пользу делу послужила бы всесторонняя характеристика категории времени в сказках как специфическом фольклорном жанре.

Существование модели плюсквамперфекта (*жилъ былъ естъ*) уже примерно в XII в. в древнерусском языке, возможно, содействовало «славизации» *жил-был* на восточнославянской почве.

Нам кажется, что изучение ареальной, диалектной фразеологии на сегодня нельзя осуществлять без лингвогеографии (См. В. И. Лавер, До питання про дослідження діалектної фразеології методом лінгвогеографії. — Проблеми дослідження діалектної лексики і фразеології української мови. Тези доповідей, Ужгород 1978, с. 95—96). Причём оперировать одним фразеологизмом для определения первоначального компактного ареала модели, в том числе и путей миграции фразеологизма, не достаточно (В. М. Макієнко, До питання про зіставний аналіз слов'янської фразеології. — Мовознавство, 1979, № 5, с. 17—28).

Поскольку на сегодня не все языковеды сложные слова (копулятивы) от-

носят к фразеологизмам, автору следовало бы высказать свое мнение по этому поводу и придерживаться одного термина как в названии, так и в самой книге. Желательно было в начале работы дать более основательную историю вопроса и сопоставительного анализа фразеологизмов.

Народные сказки венгерского населения Закарпатья уже опубликованы и автор мог бы черпать факты сказок не из устных источников. Очевидно, поэтому в работе приводится сомнительная форма зачина венгерских диалектов Закарпатья ... *élvén-léven* (с. 165). Не совсем убедительно и то, что форма зачина *жюючи-будуочи* в закарпатских украинских диалектах является калькой с

венг. *élt, volt...* (с. 165). Формы на *-ючи/-ючи* пока еще остаются фактом диалектной речи закарпатских говоров, они могли способствовать возникновению этого копулятива, ср. *До роботи плачучи, а до танцю скачучи*.

Безусловно, наши пожелания никак не уменьшают научной ценности рецензируемой работы. Книга О. Б. Ткаченко является заметным вкладом как в славянское, так и в финно-угорское языкознание. Дальнейшие исследования в этой области с применением практически апробированного сопоставительно-исторического метода, безусловно, принесут значительную пользу языкознанию.

И. В. ЗИКАНЬ, В. И. ЛАВЕР (Ужгород)

Вопросы марийского языка. Вопросы истории и диалектологии, Йошкар-Ола 1979. 196 С. (Марийский научно-исследовательский институт)

Die marischen finnisch-ugrischen Sprachforscher haben in Joškar-Ola eine neue Sammlung von Schriften herausgegeben, die unsere Leser interessieren kann. In diesem Band der Veröffentlichungen des Marischen Wissenschaftlichen Forschungsinstituts werden zwei große Themen behandelt, nämlich die Geschichte und die Dialektologie der marischen Sprache. Der verantwortliche Redakteur des Buches ist N. Isanbajev. Wahrscheinlich gerade deshalb sind von ihm vier längere Aufsätze, die vor allem marisch-tatarische Sprachbeziehungen berühren. Im ersten Aufsatz «История изучения татарских заимствований в марийском языке» (S. 5—41) befaßt sich Isanbajev angefangen vom Schaffen Ph. J. Strahlenbergs (1730) bis hin zum Jahre 1978 mit allen längeren und kürzeren Untersuchungen, die marisch-tatarische Kontakte behandelt haben. Das registrierte Material ist sachkundig analysiert und charakterisiert. Die Aufmerksamkeit von Isanbajev haben besonders die Untersuchungen von J. Budenz, F. Gordejev, M. Räsänen, V. Vasiljev und Y. Wichmann gefesselt. Da Isanbajev außer seiner Muttersprache auch das Tatarische beherrscht und sowohl in der Fenno-ugristik als auch in der Turkologie

kompetent ist, konnte er neue tatarische Entlehnungen feststellen und mehrere mißlungene Etymologien korrigieren. Er hat reichliches neues dialektologisches Material erschlossen, was die früheren Forscher nicht kannten, da die marischen Dialekte und Mundarten in den letzten Jahren intensiv untersucht worden sind. Isanbajev hat außerdem das Wesen der tatarischen und tschuwaschischen Entlehnungen sehr zweckmäßig phonetisch und morphologisch typologisiert. Einer der produktivsten heutigen Forscher des marischen Wortschatzes ist F. Gordejev, der Verfasser des marischen etymologischen Wörterbuches. Er wird aber von Isanbajev bezüglich der tatarischen und tschuwaschischen Lehnwörter stark kritisiert. Isanbajev ist der Meinung, daß manche von Gordejev angeführten Etymologien nicht ganz stichhaltig seien. Der zweite Aufsatz von Isanbajev «Фонетическая адаптация татарских заимствований в диалектах марийского языка» (S. 41—102) ist eigentlich eine notwendige Ergänzung zum vorangehenden Aufsatz. Es werden zahlreiche Beispiele dazu angeführt, wie die tatarischen Einzelvokale, Diphthonge und Konsonanten sich der marischen Phonologie angepaßt haben. Die Adaption ist mundartlich ver-